

От автора международного бестселлера
«Один день в декабре»!

ПРИЗРАКИ, ЛЮБОВЬ

И ПРОЧИЕ
БЕЗУМСТВА

18+

ДЖОЗИ СИЛВЕР

Джози Силвер
Призраки, любовь
и прочие безумства
Серия «Мелоди Биттерсвит», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74158481
Джози Силвер «Призраки, любовь и прочие безумства»: ООО
«Издательство АЗБУКА»; Санкт-Петербург; 2026
ISBN 978-5-389-33777-0*

Аннотация

Призраки? Ничего особенного. Чувства – вот что действительно сводит с ума!

Как чудесно обладать поистине уникальным талантом, да еще использовать этот талант в процветающем семейном бизнесе! Мелоди Биттерсвит бы поспорила. Ее дар – видеть призраков – причина скорее головной боли, чем гордости. И если в семейном бюро с духами общаются, мечта Мелоди – от них избавляться. Ну, не от всех, конечно, а лишь от тех, кто досаждают живым.

И вот у новоиспеченного агентства «Охотницы за привидениями» уже есть первый заказ: старинный особняк не желают покидать целых три призрака. Эти призраки – родные братья, и, кажется, один из них виновен в убийстве другого...

Случай и так непростой, а тут еще и вечно кто-то мешает работать. Например, Лео Дарк, экстрасенс, телезвезда и –

бывший возлюбленный Мелоди. А еще Флетчер Ганн – местный репортер-скептик, который не успокоится, пока не очернит семью Биттерсвит. Или пока не останется с Мелоди наедине.

Словом, даже в истории братьев-призраков разобраться проще, чем в собственной личной жизни...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джози Силвер Призраки, любовь и прочие безумства

Оформление обложки Виктории Манацковой.

Josie Silver

CRAZY SPOOKY LOVE

Copyright © Josie Silver, 2025

Published by arrangement with Rachel Mills Literary Ltd.

All rights reserved

© В. Р. Сухляева, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Дабы исправить ужасное упущение, наконец-то посвящаю новую книгу моему брату. Пока что это мой самый безумный роман, и он подходит ему больше всего

Глава 1

– Так что, Мелоди, чем занимаешься в свободное время?

Я смотрю своему кавалеру прямо в его красивые карие глаза и лгу:

– Да как все. Сам знаешь. – Пожимаю плечами, мол, я совершенно обычная. – Много читаю... хожу в кино. Всякое такое.

Я пристально наблюдаю за Ленни, пока он переваривает мои слова, и выдыхаю с облегчением, когда его лицо озаряется.

– Да? Какой твой любимый жанр?

– Э-э... в кино или в книгах? – Я тяну время, потому что, признаться, свободного времени мне не хватает ни на то, ни на другое.

– В кино. Боевики или мелодрамы? погоди, дай угадаю... – Он щурится и оценивает меня взглядом. – Ты похожа на фанатку ромкомов.

– Разве? – Я искренне удивляюсь.

Я очень невысокая и больше напоминаю Уэнсдей Аддамс, чем диснеевскую принцессу. Ладно, с Уэнсдей я, может, и перегнула палку, но суть ясна: я брюнетка и вкусы мои в одежде почти вызывающие. Сомневаюсь, чтобы хоть кому-то когда-то приходило в голову, что я кокетка. Возможно, Ленни разглядел что-то ускользнувшее от остальных, в том чис-

ле от меня самой. Это приятная мысль, главным образом потому, что у всех, кто слышал о моей семье, в голове сплошные предубеждения на мой счет.

– «Четыре свадьбы и одни похороны»? – спрашивает Ленни, передергивая плечами.

Замшелый выбор дает понять, что и он не любитель романтических комедий. Что ж, надежда есть. Я лишь пожимаю плечами, умалчивая, что в фильме мне понравилась только часть про похороны.

– «Отпуск по обмену»?

И снова я прикусываю язык и делаю заинтересованное лицо, потому что ему вряд ли понравится, если признаюсь, что скорее воткну в глаза иголки, чем опять соглашусь увидеть, как слишком оптимистичная Кейт Уинслет тащит за собой старика по бассейну. Мама каждое Рождество пытается усадить меня пересмотреть этот фильм, и каждое Рождество я придумываю новую причину для отказа.

К моему облегчению, официант приносит счет, и мы наконец покидаем ресторан. Пока что Ленни кажется зачетным парнем, и мне каким-то образом удалось произвести на него впечатление девушки из благополучной семьи. Возможно, в этот раз все будет иначе.

Ленни заезжает на своем заурядном седане продавца на мощеную дорожку к моему дому и глушит двигатель. Я не против заурядности. Вообще-то, мою жизнь сейчас не помещало бы разбавить порцией заурядности, поэтому я улыба-

юсь ему самой обольстительной улыбкой и, мечтая, чтобы мама уже ушла спать, приглашаю его выпить кофе. Веду его за руку в темноту задней двери, прижимая палец к губам. Мы на цыпочках пробираемся мимо комнаты мамы и поднимаемся по старой деревянной лестнице ко мне.

Я проворачиваю ключ в замке, Ленни кладет руку мне на талию, и по спине пробегают мурашки. Только взгляните на меня! Сегодня я на волне взрослой жизни! Ужин с приятным мужчиной, бодряя беседа, теперь веду его к себе выпить кофе... и, может, даже и немного пошалить. Я не девственница, но в последнее время можно справедливо назвать мою личную жизнь посредственной. Под «последним временем» я подразумеваю два года, с тех пор как мы с Лео Дарком разорвали отношения. Под «мы с Лео» я подразумеваю Лео, который меня бросил, ссылаясь на конфликт интересов. Ха! Впрочем, учитывая, что моя не-от-мира-сего семейка – единственные медиумы в городе, кроме него самого, по крайней мере отчасти он был прав.

Но хватит о Лео и моей жалкой личной жизни. Все, чего я хочу, – чтобы Ленни ничего не узнал о моей чудной семье и зацеловал классную, обычную, совершенно нормальную девушку до потери пульса.

– Ты похожа на Кейт Миддлтон, – шепчет мне Ленни на верхней площадке лестницы.

Вообще-то, я сильно ниже и во мне нет ничего королевского, ну да ладно.

– Большие карие глаза и остроумные фразочки. Очень секси.

Почти не сомневаюсь, что у Кейт Миддлтон глаза зеленые и она не слишком славится остроумием, но сейчас разницы никакой, потому что, кажется, он только что поцеловал меня в шею! Дверь иногда заедает, и я пихаю ее плечом, стараясь выглядеть уверенной и грациозной, хотя, боюсь, скорее напоминаю спецназовца, врывающегося в дом. К счастью, Ленни совсем не встревожен и спокойно следует за мной. Вряд ли он замечает висящий в воздухе забористый аромат «Шанель № 5», но я замечаю, и сердце холодеет.

А ведь все шло так хорошо! Почему же я просто не поцеловала его на прощание в машине, чуть подразнив языком, и не отправила домой? Второе свидание было у меня в кармане.

Со вздохом включаю настольную лампу. На журнальном столике, в слишком коротком и слишком прозрачном голубом пенюаре, стоит моя мать, воздев руки к потолку и запрокинув голову.

– Черт! – рывкает Ленни мне в ухо, явно испуганный.

Его можно понять. Моя мама – впечатляющая женщина, высокая и стройная, как балерина, с серебристыми волосами, струящимися по плечам. И это не седина – она родилась с волосами цвета чистого серебра. Сейчас мама выглядит так, словно ее распяли на моем кофейном столике.

Я фыркаю, бросая сумочку рядом с лампой. Вот тебе и

«нормальная» девушка.

– Э-э... мама?

Она делает несколько глубоких вдохов и устремляет на нас сердитый взгляд.

– Ради бога, Мелоди, – ворчит она, опуская руки и упирая ладони в бока. – Я почти установила связь. Он прячется на чердаке, говорю тебе.

Я оглядываюсь на Ленни, который, естественно, позабыл целовать мою шею. Он приподнимает брови, безмолвно вопрошая: «Какого черта?», а затем переводит взгляд на мою мать, которая подзывает его, как сирена, заманивающая рыбака на скалы.

– Молодой человек, будьте добры, подайте руку.

– Нет! – почти кричу я, но Ленни уже спешит к ней с протянутой рукой, чтобы помочь маме спуститься с журнального столика.

Бросив на меня лукавый взгляд, мама слезает, не ослабляя цепкого захвата на руке Ленни.

– Длинная линия жизни, – бормочет она, проводя алым ногтем по его ладони.

– Мама... – с нажимом говорю я, но она не обращает внимания на мой суровый, предостерегающий тон.

Ничего иного я и не ожидала, она уже не раз выкидывала такой фортель. Ну то есть «распятие на столе» – это что-то новенькое, но мама стабильно проверяет моих потенциальных бойфрендов: смогут ли вписаться в нашу эксцентрич-

ную семейку. Правда, ее романтическое чутье оставляет желать лучшего: Лео прошел проверку на пять с плюсом, и глядите, чем все закончилось. Я осталась с разбитым сердцем, а он устроился в утреннее шоу как штатный медиум. Где справедливость?! Ну вот, с тем же успехом можно сразу вытащить из семейного шкафа старый лязгающий скелет. Все равно тайна выплывет наружу, и, несмотря на все мои попытки пустить пыль Лени в глаза, от правды надолго не спрячешься.

Меня зовут Мелоди Биттерсвит, и я вижу мертвых.

И я такая не одна. Я лишь последняя в длинной линии женщин Биттерсвит с этим даром – или проклятием, как посмотреть. Моя семья всегда гордилась своей ненормальностью, благодаря чему и процветает наше бюро «Неугомонные духи»¹ на Хай-стрит – главной улице Чапелвика. Пожалуй, Биттерсвиты живут здесь дольше, чем стоит часовня в дальнем конце улицы². Вероятно, именно поэтому в общем и целом горожане нас терпят: хоть это и чудики, но наши чудики.

Когда-то крошечная конторка – единственное помещение с двустворчатым окном – за последние двести лет непомерно разрослась. Теперь мы владеем тремя домами с терраса-

¹ Отсылка к одной из самых успешных пьес британского драматурга Ноэла Кауарда – комедии «Неугомонный дух». Главный герой пьесы никак не может избавиться от назойливого призрака первой жены.

² Название городка происходит от *англ.* chapel – часовня.

ми, как попало слеplенными в одно большое здание, где работаем и живем я, моя мама Сильвана и ее мама Дайси. На самом деле бабушку зовут Парадайз, но она называет себя Дайси с тех самых пор, как на свой пятнадцатый день рождения встретила моего дедушку Дьюка и он мелом написал «Дайси и Дьюк» в сердечке на задней стене нашего дома. А заодно и в ее трепещущем сердце.

– Сильвана!

Легка на помине. В этом доме хоть кто-нибудь спит ночью?!

Бабушка стоит в дверном проеме с поднятой рукой, готовая постучать. Я должна радоваться, что она хотя бы в приличной одежде, если можно считать таковой фиолетовое кимоно в пол из переливчатого шелка с огромными разноцветными драконами. Золотисто-рыжие волосы, обычно закрученные мелкими завитками в винтажном стиле, сейчас элегантно уложены на затылке, а на губах алая, точно пожарная машина, помада. Не все справились бы с таким образом, но благодаря горделивой осанке, уверенности в себе и плевать-на-всех посылу бабушка выглядит просто убойно. Она wpłyвает без приглашения и оглядывает мою маму и Ленни, которые все еще держатся за руки.

Господь! Клянусь, завтра утром я первым делом начну искать новое жилье – где угодно, лишь бы не в одном доме с мамой и бабушкой. Не поймите меня превратно, дом просто очаровательный, а семью я обожаю непомерно. Дело даже

не в том, что у меня здесь нет собственного уголка – потому что в теории он у меня есть. Мама с бабушкой занимают просторные апартаменты на первом этаже за «Неугомонными духами», а мне выделили квартирку поменьше на втором этаже, укрытую в глубине здания. Во многих отношениях я счастливица: у меня есть собственный уютный дом рядом с родными. Все бы ничего, вот только члены семьи считают в порядке вещей зайти ко мне, воспользовавшись выданным на экстренный случай запасным ключом, и выставить меня на посмешище.

– Почему Сильвана принимает мужчину вдвое моложе себя в твоей квартире? – Бабушка переводит взгляд с меня на маму. – Милая, надо было предупредить меня, что у тебя гости. Я бы сходила куда-нибудь поужинать. – Она легким касанием поправляет прическу. – Разве не положено накинуть на дверную ручку полотенце, или как там сейчас сигнализируют о таких вещах?

Она восхитительно самодовольна, и при одном взгляде на Ленни я понимаю, что эти две дамы ему не по зубам и он уже списал меня со счетов, а наше свидание признал худшим в своей жизни. Он зыркает на дверь, и я почти слышу, как он умоляет отпустить его целым и невредимым.

– Он не мамин кавалер, а мой. Вернее, был моим, – бормочу я.

Тут мое внимание переключается на старичка с пивным пузом, медленно выплывающего из потолка: заляпанная су-

пом рубашка, фланелевые брюки не доходят до волосатых лодыжек. Я вижу мертвых людей, помните? Как и мама с бабушкой, которые наблюдают за его спуском с одинаковым отворачиванием на лицах.

– Наконец-то! – рывкает моя мать, отпуская руку Ленни и переключаясь на новоприбывшего. – Два чертовых часа я гонялась за вами по всему зданию! Ваша жена хочет знать, что вы сделали с деньгами на хозяйство, которые она припрятала в зеленом чайнике. Говорит, если вы спустили их на скачки, то между вами все кончено.

– Полагаю, между ними в любом случае все кончено, – закатывает глаза бабушка. – Он мертв уже шесть недель.

– Кто бы говорил! Ты спишь со своим мужем двадцать лет после его смерти. – Мама резко встряхивает серебристыми волосами.

Тушэ!

Ленни, тихо скуля, кидается к двери. Оглядывается на мгновение, чтобы выпалить: «Я тут вспомнил, срочная встреча!», выскакивает в коридор и слетает с лестницы, перепрыгивая через две ступеньки.

Я слышу, как хлопает дверца его машины, и гадаю, с кем встреча. Наверное, с белым другом.

* * *

– Завтрак, милая?

Когда я босиком врываюсь в их с бабушкой теплую, в фермерском стиле кухню, мама ведет себя так, словно вчера вечером не случилось ничего из ряда вон.

Знаю, знаю, двойные стандарты: я ною, что они свободно заходят ко мне в квартиру, а потом заявляюсь к ним по-хозяйски. В свою защиту скажу, что мама сама виновата. Она оставляет дверь приоткрытой и заманивает меня запахом домашней еды, сладким и неудержимым. Мне кажется, она научилась прогонять через древнюю систему отопления запах свежеприготовленных вафель – зов, перед которым, как она знает, мне не устоять: «Внимание, сахар! Внимание, сахар! Мелоди Биттерсвит, немедленно пройти на мамину кухню за кулинарными шедеврами и прожаркой на тему личной жизни!»

– В этот раз ты меня вафлями не задобришь, – ворчу я. Почти всю ночь я ворочалась с боку на бок и волновалась, что жизнь катится в никуда. – Где бабушка?

– Прямо сзади тебя.

Я поворачиваюсь на звук бабушкиного театрального рычания: она изображает Большого Злого Волка, веселясь от души. Вновь облаченная в сияющий фиолетовый шелк с вышивкой, она наливает себе крепкого черного кофе и садится за выскобленный до блеска сосновый кухонный стол.

– Я рада, что вы обе здесь, – начинаю я, придвигая себе один из разношерстой коллекции стульев и поливая сиропом вафли, от которых отказалась. Сверху кладу свежей черни-

ки, чтобы умерить угрызения совести. – Мне нужно вам кое-что сказать.

– Ты беременна? – Бабушка хлопает в ладоши, глаза блестя предвкушением.

– Весьма маловероятно, учитывая, что вы двое отпугиваете любых потенциальных отцов.

Мама выглядит румяной рядом с вишнево-красной английской плитой «Ага», которую она установила в завершение мечты о фермерской кухне.

– Женишься на женщине – женишься и на ее семье.

Я стискиваю зубы, и мысль о судьбе мисс Хэвишем³ укрепляют мою решимость.

– Я открываю свой бизнес.

Обе резко поворачивают голову в мою сторону и широко раскрывают глаза. Я словно оказалась под светом прожекторов.

– В пустой комнате под моей квартирой, – добавляю я.

«Неугомонные духи» так разрослись, что у нас теперь полно свободных комнат, а самая большая из них, в глубине первого этажа, идеально подходит для моих начинаний. У нее есть отдельная дверь, выходящая в мощный переулок, – будет вход для клиентов, а камин с открытой топкой согреет в холодные месяцы. Технически комната в моей части здания,

³ Мисс Хэвишем — персонаж романа Чарльза Диккенса «Большие надежды». Брошенная женихом в день свадьбы, она много лет носит подвенечное платье, ничего не меняет в некогда роскошном, а ныне запущенном доме и растит приемную дочь, чтобы та мстила мужчинам.

так что я не жду особой борьбы за нее.

– Но у меня там склад, – возражает мама, замеревшая со сковородкой в руке.

– Тебе нечего складировать, – саркастически поднимаю бровь я.

С этим не поспоришь. Мы торгуем мертвецами. Им не нужно место на полках.

– Как известно, я раз или два проводила там спиритические сеансы, – небрежно вставляет бабушка.

– Да, и потом сказала, что больше не будешь, потому что там «отрицательная энергетика».

Подозреваю, дело было скорее в том, что сеанс проводился по заказу местного бридж-клуба и бабушку до одури утомили как живые участники, так и до крайности скучные духи, которых они вызывали. Впрочем, ее слова об отрицательной энергетике сейчас мне только на руку.

– Мне двадцать семь, – рассуждаю я. – Пора уже встать на ноги.

Мама многозначительно смотрит под стол на мои ноги – черно-белые носки в горох, цепочка с серебряными звездочками на лодыжке, – явно сомневаясь, что с такими ногами стоит открывать собственное дело.

– Чем же ты займешься? – спрашивает бабушка.

Она морщит нос при виде вафель, которые предлагает мама, и ограничивается тем, что накалывает на кончик вилки ягоду голубики. Она худая как жердь и ест как птенец.

чик, предпочитая добирать суточную норму калорий шампанским, без которого ее редко удастся увидеть. Когда она умрет, если вообще умрет, на ее надгробии будет написано: «Где-то уже пять вечера».

Что ж, пан или пропал.

– Охотой за привидениями, – бормочу я, запихивая в рот вафлю и не отрывая взгляда от тарелки.

– Повтори-ка, Мелоди. – Бабушка подается ко мне через стол.

Мама, с ее острым слухом, подозрительно щурится.

– Да, – говорит она вкрадчивым голосом. – Повтори еще раз, Мелоди, только ГРОМЧЕ! – Последнее слово она показательно рвкает.

Тяжко вздохнув, прочищаю горло.

– Я хочу открыть агентство, где людям помогают избавляться от нежелательных призраков.

Бабушка в ужасе округляет глаза и хватается за отвороты фиолетового кимоно.

– Избавляться? – Она смотрит на маму в поисках поддержки. – Сильвана, ты слышала?

– Не слишком отличается от того, чем мы уже занимаемся, – объясняю я, пытаюсь выставить идею в более выгодном свете.

– Наша семья представляет интересы покойных, а не живых, Мелоди. Вот чем мы занимаемся, – хмурится мама.

В ее устах фраза звучит как реклама семейной юридиче-

ской фирмы для недавно усопших, и я воздерживаюсь от очевидного возражения. Вообще-то, мы в «Неугомонных душах» зарабатываем солидные гонорары, представляя в большинстве своем интересы живых, а не мертвых, а именно – выступая в качестве посредника между ними. Мы поддерживаем линии связи, мы вроде астральной телефонной станции, и поэтому нам нужно, чтобы призраки не отходили в мир иной. Так что да, я не удивлена, что мое предложение принимают в штыки.

– Знаю. – Я стараюсь говорить ровно и спокойно. – Но вам обоим известно, что я не такая, как вы или как большинство наших предков.

– Ты – Биттерсвит, Мелоди. Ты видишь призраков, как и все мы, – возражает бабушка, жуя очередную ягоду.

– Все верно, я их вижу, еще как. Но разница между нами в том, что я не очень-то хочу их видеть. Меня дико раздражает, что они выскакивают как черт из табакерки, куда бы я ни пошла. И я не желаю тратить жизнь на попытки выяснить, что именно хотела сказать двоюродная бабушка Элис на смертном одре или на передачу сообщений недовольных жен о деньгах на хозяйство, пропавших из зеленых чайников.

Удар ниже пояса, знаю. Мама смотрит на меня, сердито поджав губы. Ничего, она это заслужила после представления на моем кофейном столике прошлой ночью.

– Умалая ценность услуг нашего бюро, ты не выглядишь

ни серьезнее, ни умнее, Мелоди.

— Ладно, про чайник я зря. Мама, я знаю, что ваши услуги важны, и вы молодцы, но эта работа не для меня. — Я поворачиваюсь к бабушке. — Ты тоже права. — Я накрываю ее костлявую, в драгоценностях руку ладонью, пытаюсь расположить к себе. — Да, я вижу духов. Вижу повсюду и так часто, что даже нет смысла искать нормальную работу.

С этим не поспоришь: всякая работа, за которую я бралась вне семейного бизнеса, всегда проваливалась с треском. Служба в качестве помощницы адвоката резко прервалась из-за того, что в офисе беспрестанно находилась покойная мать начальника и не давала мне ни минуты покоя. Она неустанно изводила его сообщениями, в основном выражая неодобрение его интрижкой с секретаршей. Не скажу, что я сама это одобряла, но, в отличие от старушки, предпочитала держать мнение при себе. Дошло до того, что я наконец сорвалась и громко велела призраку отвалить и перестать совать нос в роман адвоката с секретаршей. Возможно, это сошло бы мне с рук, если бы внезапно не заявила жена начальника, чтобы пригласить его на обед, и не услышала каждое слово. Добавлю только, что адвокату скоро понадобился собственный адвокат.

Затем меня взяли помощницей стоматолога, где я оказалась в компании давно почившего зубного врача, который открыл практику несколько десятилетий назад и, казалось, никак не мог с ней расстаться. Он вечно путался под ногами,

пока я работала, и именно на нем лежит полная ответственность за то, что я приготовила не тот набор новых эмалей для местного депутата и нечаянно превратила его в одного из Кардашьянов. Он все еще винит меня в том, что проиграл выборы.

– Я тоже буду оказывать услуги умершим, только иначе, чем вы. Разве ты не видишь, бабушка? Вы с мамой – как телефонная станция для призраков. Я стану скорее чем-то вроде... – Я задумываюсь над подходящим сравнением.

– Таксиста? – подсказывает мама.

Ее так просто не проймешь!

– Если тебе так угодно, но по сути – да, – раздраженно пожимаю плечами я. – Мы же знаем, что призраки порой застревают и нуждаются в помощи, чтобы перейти в новый мир.

– И ты собираешься вмешиваться в процесс. Биттерсвиты не вмешиваются. Это не наша работа.

Я смотрю на упрямо расправленные мамины плечи. Что ж, все ясно: если добиваться ее одобрения, дело с мертвой точки не сдвинется.

– Бабуля?

Мы с мамой поворачиваемся к старейшему члену семьи. Она накалывает на вилку очередную ягодку, затем медленно жует, прекрасно осознавая, что мы обе ждем ее вердикта. Понятно, от кого маме передалась склонность к драме.

Бабушка пристально смотрит на меня глазами-бусинками

и в конце концов указывает вилкой в мою сторону:

– Это же не повредит семейной фирме? Мы ведь напрямую зависим от духов на земле, милая.

– Ни капельки. Я займусь призраками, которые здесь застряли или создают проблемы. Вы меня даже не заметите. Честно. Обещаю. – Я качаю головой и про себя молюсь об успехе, затаив дыхание.

Бабуля катает по тарелке ягоду голубики, раздумывая, затем аккуратно кладет вилку на стол.

– Неси шампанское, Сильвана. Наша крошка открывает свое дело.

Губы невольно расплываются в улыбке, и я сдерживаюсь, чтобы не обнять бабушку, поскольку от маминого молчаливого взгляда мне становится не по себе.

– Это потому, что ты опять волнуешься из-за двадцати семи? – проницательно спрашивает она мягким тоном.

При упоминании о моем недавнем дне рождения я отвожу взгляд. Материнское чутье не обманешь!

– Мы ведь уже обсудили, – продолжает она. – Это просто цифра, только и всего.

Возможно, для кого-то двадцать семь – просто цифра, но не для меня. К двадцати семи мама родила меня, а бабушка – родила ее. Именно столько было моему отцу в день смерти, когда он мчался в роддом к моей маме и его мотоцикл раздавило колесами грузовика.

Собственный двадцать седьмой день рождения сразил ме-

ня сильнее, чем можно было представить. Я проснулась с ожиданием вполне обычного праздника, а оказалась придавленной к земле тяжелейшим, сокрушительным приступом боже-куда-уходит-жизнь. Эта ядерная бомба страха, эмоций и настоящих слез буквально заставила меня оцепенеть. Я думала о матери и том, что к этому возрасту она уже нашла свою любовь, призвание и держала на руках ребенка. Я думала об отце, от потери которого мама так и не смогла оправиться, о мужчине, чья жизнь оборвалась в том возрасте, когда моя едва сдвинулась с мертвой точки.

Вплоть до двадцати шести лет и трехсот шестидесяти четырех дней я была ребенком, изображающим взрослого. Однако к вечеру своего двадцать седьмого дня рождения я, образно говоря, отложила детские игрушки и составила список. Я хочу хорошую жизнь, наполненную любовью и гордостью, хочу сама создавать свою судьбу, а не ждать, когда она меня настигнет.

И хотя это пугает меня до чертиков, я собираюсь открыть свое агентство, и мне бы очень хотелось сделать это с благословения мамы.

Мне на помощь приходит бабуля с неожиданным предложением:

– Сильвана, Мелоди может приглашать по утрам Гленду на пару часов.

Гленда Джексон – секретарь и центр вселенной в «Неугомонных духах», настоящая Чудо-женщина в деле организа-

ции. Она работала в «Неугомонных» с тех пор, как я себя помню, одна из тех дам, которые в свободное время могут даже баллотироваться на пост премьер-министра, если захотят. К счастью для нас, она положила все свои силы на то, чтобы железной рукой вести наши дела, так что во мне как в помощнице не было никакой необходимости, а именно этим я занималась последнее время, потерпев крах во всех начинаниях с работой на стороне. Я правда здесь лишняя. Мама и бабушка с радостью посвящают свое время и силы индивидуальным и групповым сеансам, а Гленда превосходно справляется с административной и организационной стороной дела, к тому же ее уважают горожане – это упрощает нам жизнь и сглаживает острые углы эксцентричности агентства по общению с привидениями. Кроме прочего, Гленда верховодит местным сарафанным радио: если она чего-то не знает, того и знать не стоит.

Гениальный ход со стороны бабушки. Услуги Гленды позволят маме держать руку на пульсе моих дел, а мне – заниматься тем, чем хочется. Прожив в этой семье столько, сколько бабушка, невольно развиваешь дипломатические навыки на уровне Организации Объединенных Наций. Мама, кажется, малость ослабила хватку, хотя, если не знать ее как облупленную, начало оттепели ни за что не заметишь.

Она надувает щеки и сердито глядит на бабулю:

– Никакого шампанского! Еще только утро.

Бабушка слегка пожимает плечами, совершенно невозму-

тимая:

– Где-то уже пять вечера, Сильвана.

Глава 2

– О чем я только думала? Я понятия не имею, как вести бизнес. Все пойдет наперекосяк, и я до конца своих дней буду прозябать как неудачница. Даже призраки будут надо мной смеяться.

Я валюсь, как мешок с картошкой, в мягкое кресло у камина в моем новом офисе и почти исчезаю в поднявшемся облаке пыли. Всего два дня прошло с тех пор, как я раскрыла семье свой грандиозный план, а нервы уже на пределе.

– Господи Иисусе, Мелоди! – Марина вынимает изо рта лопнувший пузырь жевательной резинки, покрытый пылью, и бросает его в мусорку.

Нас с Мариной, моей лучшей на свете подругой еще с начальной школы, объединили брекеты и семьи, благодаря которым мы были изгоями, не похожими на других, как ни старались это скрыть. От сицилийской бабушки она унаследовала итальянскую красоту и сочные формы, а благодаря сицилийской деловой хватке деда семья получила богатство и грозную репутацию семьи Малоне. Невинности Марина лишилась аж в девятнадцать, потому что такое сочетание красоты и ужаса пугало парней.

Когда облако пыли от старого кресла оседает, подруга сурово глядит на меня со своего места на письменном столе, который последний час терпеливо полировала, приводя из

мерзкого в приличный вид.

– Во-первых, ничего не пойдет наперекосяк, а ты не останешься прозябать неудачницей. Во-вторых... – Она загибает пальцы для пущей наглядности. – ...Ну не умеешь ты вести бизнес, что такого-то? Ты все схватываешь на лету, и каждое утро тебе будет помогать Гленда Джексон. Эта женщина способна рулить «Майкрософтом» во время обеда.

Ее слова меня приободряют, потому что так и есть. Когда мы учились в школе, Гленда следила за нашей учебой строже, чем Анна Винтур за подчиненными. Мы обе сдали экзамены на отлично исключительно от страха перед Глендой.

– И в-третьих... – Марина открывает новую пачку жвачки и показывает три пальца, – если над тобой будут смеяться призраки, разве тебе не плевать? Они померли, а ты нет, так что ты автоматом выиграла. Кроме того, им будет сложно смеяться, когда ты их затанешь в свой духопылесос, или что там у тебя.

– Не пылесос, но спасибо. – Я не могу удержаться от смеха.

Хотела бы я проснуться однажды утром хотя бы с пятой частью ее пофигизма!

– Как думаешь, может, мне сделать деловую стрижку?

Подруга смотрит на меня с выражением «С дубу рухнула, что ли?».

– Ты не меняла прическу со старших классов, – смеется она. – Это каре теперь часть тебя, Мелоди. Слишком поздно

перестраивать систему.

– Систему?

Она обводит меня рукой:

– Ты всегда будешь маленькой милой подругой с большими карими глазами и вишневым блеском для губ, а я всегда буду немного развратной подружкой с пышной шевелюрой, красной помадой и гнусным характером. У нас гармония. Если ты подстрижешься, то своротишь систему к чертям.

Эта система для меня новость, но, поразмыслив, я признаю правоту подруги. Мы десять лет шлифовали наши образы и за усердие получили право зажигать сколько влезет. Да и потом, я больше не представляю жизни без вишневого блеска для губ. Он поддерживает во мне силы в перерывах между дозами сахара. Каре остается.

Может, я с виду и не изменилась, а вот офис капитально обновлен и, скажу без ложной скромности, выглядит теперь потрясно. Если не считать очевидного промаха с грязным креслом, каждый уголок в комнате вымыт, отполирован и пропылесосен, а мой первоначальный бюджет ушел на новое вращающееся кресло для клиентов и на модные жалюзи, как во всяком уважающем себя офисе. Я отказалась от банальностей: никаких стоячих вешалок для пальто, сухого горшка с южкой, тяжелых стеклянных пепельниц из семидесятых. Кабинет строгий, но видна женская рука – ваза со свежими тюльпанами на журнальном столике в зоне отдыха. В зоне отдыха! Знаю-знаю! Опять я со своими зона-

ми! На самом деле всего лишь маленький серый раскладной диванчик и старое кресло рядом с камином и телевизором, но ведь тут можно отдохнуть, верно? Я стремлюсь уловить городской шик или хотя бы уйти от бохо-стиля охотников за привидениями. И никаких благовоний в кабинете!

– Может, еще курильницу для благовоний? – усмехается Марина.

Средний палец отвечает за меня. Пожав плечами, она спрыгивает со стола и, послав мне воздушный поцелуй, направляется к двери:

– Пора валить. Дела, знаешь ли.

Это означает, что ей нужно присматривать за престарелым дедушкой, пока мама работает. Родные Марины ценят преданность семье.

– Ты же вернешься в понедельник?

– Думаешь, я опоздаю в первый рабочий день? – закатывает глаза она. – Девять часов. Ты и я. Идут охотницы за привидениями! Будет улетно. – Подмигнув мне напоследок, она выскакивает за дверь и кричит: – С меня пончики!

Я слушаю быстрые удаляющиеся шаги по мощеной дорожке и мысленно благодарю последнего начальника Марины, который уволил ее пару недель назад. Уж не знаю в подробностях, что там стряслось, но подругу не впервые выставляют вон. Полагаю, она из тех людей, которые плохо переносят, когда ими командуют, даже если командует начальство. Марина не слишком переживала из-за увольнения, по-

тому что работает не столько из-за нужды в деньгах, сколько из-за желания вырваться из семейного гнезда. Фактически она сама себя пригласила работать в наше агентство, и, божечки, разве могла я отказаться от компании и поддержки?

Итак, нас теперь трое: я, Марина и Гленда Джексон. Да, последняя будет работать всего пару часов в день, но, поверьте мне на слово, когда дело касается Гленды, можно рассчитывать на полную загрузку.

Господи, как же я вымоталась! Кресло хоть и пыльное, но очень удобное, я кладу голову на его изогнутую спинку и закрываю глаза. Медленно погружаюсь в приятный сон, где Роберт Дауни-младший – естественно, в костюме Железного человека – встает на колени и делает мне предложение. И тут кто-то демонстративно покашливает. Я не слышала, чтобы открывалась дверь, поэтому вздыхаю и не открываю глаза.

– Если вы не безнадежно влюбленный в меня сногсшибательный красавчик с глазами цвета орехового эспresso и острым, как рапира, умом, то лучше уходите.

Тишина, а затем:

– Я лысый, мне шестьдесят два, и я погиб три недели назад в идиотическом несчастном случае с бочкой, но уйду, если ты сядешь как следует и выслушаешь меня.

Я со стоном открываю глаза и вижу возле камина лысого дядьку в светоотражающей куртке. Для покойника у него слишком румяные щеки: наверное, при жизни любил угощаться пивком.

– Вы привлекли мое внимание еще на «бочке», – ворчу я. – Кто вы такой и чего хотите?

– Артур Эллиот. – Он протягивает мне руку, и мы оба палимся на нее, пока он медленно не убирает ее, осознав бессмысленность жеста.

– Ошибка новичка, – говорю я. – Так что за идиотический случай?

Артур качает головой и разглядывает свои потертые ботинки со стальными носками.

– Я работал на пивоварне. Во дворе мне на голову упала бочка.

Теперь понятно, почему на нем куртка рабочего. Я держусь и не спрашиваю, не пил ли он из той злосчастной бочки прямо перед несчастным случаем.

– Это объясняет, как вы умерли. Но непонятно, что вы делаете в моем новом офисе.

– Тут очень симпатично, – одобрительно кивает он, оглядывая помещение.

Я увидела достаточно призраков, чтобы понимать: обычно им что-то от нас надо, поэтому грубая лесть меня несколько не подкупает. Я скрещиваю руки на груди и пристально гляжу на Артура.

– Ладно! – Он проводит рукой по блестящей макушке. – Сперва я зашел к Дайси, а она предложила мне поговорить с тобой.

– Вас прислала сюда моя бабушка?

Какую игру она затеяла? В мой бизнес-план не входят призраки, которых ко мне посылает бабушка, когда ей самой неохота передавать их послания.

– Речь о моем пареньке, Артуре, – кивает привидение.

– Вашего сына тоже зовут Артур? – удивляюсь я. – Дома не путались?

Он качает головой:

– Жена называла меня Большой Арт, а его – Малыш Арт. Все было хорошо, пока он не вымахал до шести футов двух дюймов. – Призрак грустно улыбается. – Полагаю, теперь в этом нет нужды. Наверное, будет просто Арт.

Я сочувственно киваю, все еще не понимая, какое я имею отношение к Большому Арту и Малышу Арту.

– И вы пришли поговорить со мной о Малыше Арте, потому что?... – подсказываю я, видя, что глаза у Большого Арта затуманились, и я знаю, что будет дальше, если не держать его в узде: он умер совсем недавно, а значит, скорее всего, пока не свыкся с этим и склонен к эмоциональным всплескам.

– О просто Арте, – угрюмо напоминает он, вытирая глаза рукой, хотя не в состоянии плакать.

– Об Арте, – быстро бормочу я, кивая.

Можете считать меня черствой, но есть небольшая надежда, что, если поторопить Большого Арта, я смогу вновь закрыть глаза и вернуться к своей фантазии о Роберте, который, возможно, все еще ждет ответа где-то там, в мире грез.

Однако Железный человек не из тех супергероев, которые готовы ждать долго.

– В общем, ему нужна работа.

Я прищуриваюсь, начиная понимать, к чему он клонит. Ох уж и поплатится у меня бабуля!

– Арту нужна работа?

Арт-старший кивает:

– Конечно, он ничегошеньки не смыслит в привидениях, но он хороший парень, и его мама за него волнуется. Вообще-то, мы оба волнуемся. Наверняка поэтому я здесь и застрял, а не перешел дальше. Даже досадно, ведь сегодня день рождения у моей милой матушки, и я хотел порадовать ее, все же не виделись лет пятнадцать, а то и больше. Как думаешь, там устраивают дни рождения?

Я стараюсь не отклоняться от сути дела:

– Боюсь, вакансий нет.

– А твоя бабушка сказала, что есть, – вскидывает брови призрак. – Тебе нужен помощник, чтобы носить сумки, заваривать чай и всякое такое. – Арт-старший смотрит на меня так умоляюще, как только может смотреть покойник в светоотражающей куртке. – Ему не надо много платить, мама его содержит. Хватило бы только на автобусный проездной и на мышей для его змеи, и парень будет счастлив. Другого такого помощника не найти.

– Послушайте, Большой Арт. – Я пускаю в ход свои навыки дипломатии. – Если бы мне требовался стажер, Арт был

бы первым в очереди, но мне никто не нужен. Я учту его кандидатуру на будущее, хорошо?

– Я его подвел, – мрачнеет Большой Арт. – Единственного сына. Ушел и оставил на произвол судьбы.

– Ну-ну, не вините себя, – утешаю я его. – Вам бочка на голову упала, чистое невезенье, такое невозможно предвидеть.

– Было чертовски больно. – Он обхватывает лысую голову руками.

– Еще бы!

– Запиши его имя, вдруг будет место?

– Я запомню. Малыш Артур Эллиот.

– Ты не знаешь, где он живет.

Сдавшись, я покидаю удобное кресло, сажусь за письменный стол и выдвигаю широкий ящик. Марина разложила новые канцелярские принадлежности, как в первый учебный день в школе. Блокнот формата А4 – белоснежные разлинованные листы готовы к работе. Заточенные карандаши. Чистый ластик. Аккуратный ряд синей, черной и красной ручек. Боже, обожаю эту женщину!

Я беру карандаш и вывожу «Артур Эллиот» наверху листа. Затем записываю адрес, который диктует Большой Арт, и улыбаюсь, держа карандаш наготове. Мне нравится сидеть за письменным столом, прямо как на настоящей работе.

– Что еще мне надо знать? Какие-нибудь достижения или вроде того? – Засунув кончик карандаша в рот, смотрю на

Большого Арта, который снова на грани слез.

– Никаких, – шепчет он.

– Никаких? – громко переспрашиваю я. – Что, даже по труду тройки не заработал?

– Чертовы задиры! – вырывается из груди Арта-старшего. – Мой Арти – великан с добрым сердцем, ему просто не давали проходу. Вечно в сторонке, никто с ним не дружил. А мы с женой даже ничего не знали, пока нас не вызвали в школу из-за прогулов.

– Его задирали в школе?

– Затравили! – кивает Арт-старший. – За прыщи, змею, за рост. Знаешь, как бывает, подростки – словно стая собак, увидавших кость. Хоть бы один приятель у него был, но, похоже, он так ни с кем и не сдружился.

Мне как никому знакомо одиночество аутсайдера. Если бы не Марина, моя школьная жизнь ничем бы не отличалась от жизни Малыша Арта. Я смотрю на печального краснощекую мужчину, стоящего передо мной, и достаю из ящика стола приличную писчую бумагу.

– Садитесь, Арт.

Полчаса спустя он стал совсем другим привидением. Мы вместе составили письмо Артуру Эллиоту-младшему, в котором предлагали ему должность ученика охотницы за привидениями, упомянув, что нас впечатлили его рекомендации и что он может при первой же возможности обратиться к Мелоди Биттерсвит, единоличной владелице агентства «Охот-

ницы за привидениями» на Хай-стрит. Из-за этого названия мы с Мариной горячо поспорили на прошлой неделе. Она привела веские доводы в пользу «Охотниц за привидениями», хотя я все еще опасаясь, что клиенты будут представлять, как мы прибываем к ним в жутких белых комбинезонах и засасываем назойливых призраков в рюкзаки за спиной.

Большой Арт одобрительно улыбается, глядя, как я складываю письмо пополам.

– Малыш Арт обожает Гарри Поттера, такая загадочность ему понравится.

– Боюсь, у меня нет совы-почтальона. – Я облизываю марку и приклеиваю на конверт.

Тем временем Арт-старший уже блекнет.

– Похоже, вы все-таки успеете на день рождения мамы, – шепчу я.

– Присмотри за ним.

– Постараюсь, – обещаю я в порыве чувств.

Я кладу письмо в корзину для исходящих писем. Глядя, я пользуюсь корзиной для исходящих писем! На мгновение замираю, смакуя легкое возбуждение от начала работы за своим столом, а затем, поразмыслив, достаю конверт из лотка и красной ручкой заглавными буквами пишу внизу: «Администрация с сожалением вынуждена сообщить, что вход на территорию с рептилиями запрещен». Пусть я и дала обещание мертвецу, но если Артур Эллиот заявится сюда с питоном, получит от ворот поворот.

Глава 3

– Забыла пончики.

На часах без двух минут девять. Я потрясенно пялюсь на Марину, затем роняю голову на стол:

– Мы обречены.

Рассмеявшись, подруга достает из своей огромной сумки красивую винтажную жестяную банку от печенья «Амаретти Вирджиния».

– Это сойдет? Нонна⁴ испекла сегодня утром специально для тебя.

– Твоя бабушка мне дороже своей собственной! – радостно ахаю я. – Дайси видит булки разве что на занятиях по фитнесу.

Я снимаю крышку с блестящей салатово-золотой жестянки и гляжу на сияющее чудо – булочки с глазурью от нонны Малоне. Вдыхаю пьянящий сладостный аромат:

– Лимонные?

– Лимончелловые бабы.

Офис наполняется божественными ароматами, которыми давно пропитаны кирпичи и штукатурка в доме Марины – сладкими и успокаивающими. Но не слишком ли рано закидываться сахаром в девять утра? Марина решает за меня, за-

⁴ Nonna (ит.) – бабушка.

крывает банку и отодвигает ее на безопасное расстояние. По-друге хорошо известно: когда дело касается сладкого, у меня совсем нет тормозов. Я могу с удовольствием умять целую коробку лимончелло-баб, а к полудню стечь под стол сладкой лужей.

– Есть новости от Малыша Арта?

– Пока нет, – качаю головой я. – Хотя прошло всего два дня, если не считать выходных.

– Честно говоря, письмо, наверное, его напугало. Если у парня есть хоть капля здравого смысла, он забьется в чулан под лестницей, – улыбается Марина и падает в кресло, уже, к счастью, очищенное от пыли.

Она явилась на работу в черных обтягивающих джинсах и черной блузке в горошек, темные кудри свободно спадают на плечи. Я смотрю на себя: узкие джинсы индиго и тельняшка с длинными рукавами. В последний момент я повязала на шею красный шелковый шарф, и, по секрету, я считаю, что от нас так и прет беззаботностью парижан. Единственное существенное различие в наших образах – обувь: Марина надела свои любимые туфли на высоченных шпильках, а я – свои не менее любимые балетки. Мой шкаф забит ими и кедами «Конверс», которые радуют меня не меньше, чем других женщин – драгоценности.

– Не такое уж оно пугающее, это письмо.

Порой мне сложно правильно определить уровень сумасбродства: мое представление о необычном искажено гена-

ми Биттерсвитов.

Марина строит гримасу со значением: «Да, это, наверное, самое чудное письмо из всех, что когда-либо получали в Чапелвике».

– Ну, ты-то здесь работаешь, а ты нормальная, – замечаю я, хотя на самом деле Марина не такая уж и обычная. Она не отвечает, и я раздумываю, наморщив лоб. – Гленда! – выкрикиваю, едва сдерживаясь, чтобы не вскинуть кулаки в воздух. – Гленда нормальная!

– Гленда – реальная Чудо-женщина. – В смехе Марины сквозит сарказм. – Не удивлюсь, если под деловым костюмом от-кутюр она носит трусы поверх колготок.

У Гленды Джексон еще одна особенность: она горячая бизнес-леди. Нам приходится держать ее подальше от мужчин со слабым сердцем, чтобы она не сразила их наповал и не заработала «Неугомонным духам» репутацию заведения, которое привлекает клиентов самым прямолинейным способом.

В дверь стучат легко, как перышком, но мы обе подпрыгиваем.

– Божечки! Надеюсь, это не Гленда! Если она меня слышала, откусит мне голову, – шепчет Марина.

– Вряд ли. Она начнет только на следующей неделе. Я попросила бабушку дать нам отсрочку, хотя бы притвориться, что у нас все под контролем.

– На следующей?

В дверь снова стучат, не громче прежнего, и Марина нехотя поднимается и открывает, уперев руку в бедро:

– Агентство «Охотницы за привидениями», чем вам помочь?

Фраза прозвучала бы профессионально, если бы следом подруга не выдула пузырь из жвачки.

– Можно поговорить с Мелани Свитбиттер?

– Мелоди Биттерсвит, – поправляет Марина. – Вряд ли она вам так нужна, раз вы даже не удосужились запомнить фамилию.

Я деликатно покашливаю и подхожу к Марине.

Мы смотрим, как стоящий за порогом высоченный, неуклюжий парень приобретает болезненный свекольный оттенок, роясь во внутреннем кармане плохо сидящего на нем пиджака. Затем достает письмо, которое я узнаю, и, встряхнув, разворачивает. Артур Эллиот. Выглядит копией своего румяного отца, только сильно моложе и худее.

– Мелоди Биттерсвит? – спрашивает он; тревожные серые глаза мечутся между нами.

Марина кивает в мою сторону, а я делаю шаг вперед и протягиваю посетителю руку:

– Мелоди. – Я стараюсь говорить с непринужденной уверенностью, пожимая его влажную ладонь. – Ты, должно быть, Артур. Проходи.

Отступив, пропускаю его в офис и дергаю за руку Марину, которая не двигается с места и загораживает дверной проем.

– Может, надо придумать пароль? – шипит она мне, когда Артур бочком протискивается мимо нас.

– Какой, например? – не разжимая губ, спрашиваю я.

Она пожимает плечами, закрывая дверь:

– Не знаю! Пончики? Лимончелло-бабы?

– Веди себя прилично. – Я сдерживаю смех. – Людей распугаешь.

– Кто бы говорил, девушка с призраками.

Артур неуверенно мнется у стола, слушая нас, его глаза с каждой секундой становятся шире.

– Я не вовремя?

Судя по ужасу в его хриплом шепоте, он уверен, что пришел в неудачный момент, и готов немедленно ретироваться.

– Нет-нет. Садись, Артур. Ты как раз вовремя.

– Да?

Мои слова только усиливают его тревогу: выходит, он вовремя пришел на встречу, которую даже не назначал.

Марина выходит вперед и разворачивает к Артуру вращающийся стул. Бедняга с трудом сглатывает, будто опасается, что стул под электричеством, но вот длинное тело опускается на сиденье, и Артур кусает губы.

– Водички? – предлагаю я, садясь напротив.

Он кивает. Еще бы! Похоже, вот-вот хлопнется в обморок.

– Марина, принеси Артуру воды, пожалуйста.

– Виски добавить? – шутит она, глядя на него, и он медленно качает головой:

– Я пью только пиво. Две банки по пятницам с отцом.

Его глаза внезапно наливаются слезами. Марина взволнованно хмурится, а я отвожу взгляд и даю парню время, чтобы взять себя в руки.

– Так что насчет воды? – подсказываю подруге, и, похлопав Артура по плечу, она исчезает в поисках стакана.

В этом вся Марина. Вечно острит как шут гороховый, но есть в ней и мягкая, сентиментальная сторона. Она сидела рядом с моей мамой и рыдала, когда Кейт Уинслет таскала того старика по бассейну, пока я, прячась за чашку с чаем, совала пальцы в рот, изображая тошноту.

– Вы прислали мне письмо, – говорит Артур, изучая свои колени.

– Верно. Я слышала, что ты можешь пригодиться в моем новом агентстве.

Наконец он поднимает взгляд, но по выражению его лица я понимаю, что он мне не верит.

– От кого слышали?

Ой! Промашечка вышла. Вряд ли можно просто рассказать, что ко мне заявился его покойный папаша в светоотражающей куртке и уговорил предложить его сыну работу?

– Э-э... от твоего друга? – пробую я, и его взгляд становится еще тревожнее.

Ах да! У него же нет друзей.

– Э-э... от бывшего учителя?

Он качает головой, и я вспоминаю слова его отца о том,

что в школе Артур много прогуливал.

– Знаешь, что-то запамятовала. – Я неопределенно взмахиваю рукой. – Давай обсудим вакансию, и, возможно, я вспомню.

Он по-прежнему смотрит на меня настороженно, с недоверием.

– Обязанности вполне простые, – начинаю я, хотя на самом деле даже о них не думала. – Помогать в офисе, постигать азы профессии и сопровождать нас... в полевых условиях.

Он бросает взгляд на свои сияющие черные ботинки на шнуровке.

– Мне придется купить резиновые сапоги?

Я недоуменно хмурюсь, и он поясняет:

– Для работы в поле.

– А! Нет... – улыбаюсь я. – Прости, Артур. Под «полевыми условиями» я подразумевала выезды к клиентам на дом или в здания или... э-э... где бы ни возникли у них проблемы.

– Но не в поле?

– Никаких полей, – качаю головой я.

Он поддевает пальцем тугой воротник рубашки и с благодарностью принимает стакан воды от вернувшейся Марины. Выпивает все одним глотком и возвращает пустой стакан:

– Спасибо.

– И тебе не обязательно носить костюм, – улыбаюсь я. –

Нам нравится непринужденная обстановка в офисе.

Я словно цитирую руководство девяностых годов о том, как стать начальником-хипстером для консервативных белых воротничков.

– Непринужденная, ага, – кивает Марина. – Свободный стиль по пятницам, все розовое по средам, а по вторникам приходим голые!

Для пущего эффекта она театрально трясет перед лицом растопыренными ладонями – наверное, решила, что еще недостаточно напугала Артура. Его внезапный приступ кашля свидетельствует об обратном.

– Марина просто шутит, – быстро говорю я. – Она шутница, ты привыкнешь. Я вот привыкла.

– В письме... там написано «стажер – охотник за привидениями», – говорит Артур, наконец обретя дар речи.

– Верно. Агентство совсем молодое, и наша цель – помогать людям, которые считают, что в их владениях... скажем прямо, водятся призраки.

– И что... что вы делаете?

– Ну... – Я зыркаю на Марину, молча предупреждая, чтобы она не вмешивалась. – Мы заходим, проверяем, имеются ли там привидения, и если имеются, то выясняем, чего они хотят, и стараемся решить их проблему, чтобы они могли продолжить путь.

Пока я говорю, Артур не отрывает жадного взгляда от моего лица.

– И как вы узнаете, есть призраки или нет?

Я прочищаю горло.

– Ладно. Ты только не пугайся, но я могу их видеть.

Он подпрыгивает и тарашится на меня, словно я отрастила вторую голову.

– Со специальными очками для охоты на привидений?

– Нет, Артур, – качаю головой я. – Я вижу их своими глазами и слышу своими ушами. В целом я обычный человек, прямо как ты, но вот могу видеть и слышать призраков.

Я говорю тихим, размеренным голосом, и он внимает.

– И вы тоже? – Его взгляд скользит к Марине, которая насмешливо фыркает в ответ:

– О нетушки! С этим она справляется сама. Вместе с мамой. И бабушкой. Ты их обеих встретишь, так что мужайся.

Он смотрит на меня, и в глазах загорается отчетливая искорка надежды.

– А вы научите меня видеть призраков?

– Боюсь, этому нельзя научить, – мягко отвечаю я. – Ты либо умеешь, либо нет. Видеть призраков для меня не выбор, а данность. Вся моя семья их видит.

И вдруг у Артура словно загорается лампочка над головой.

– Вы прям как Лео Дарк из телика?

Схватившись за стул, я подавляю желание выругаться и, вздохнув, говорю:

– Вроде того. Чуть-чуть. Только намного, намного лучше.

– Именно, – подхватывает из кресла Марина. – Мелоди видит их повсюду, постоянно. Ты к ней привыкнешь. – Подруга сладко улыбается и добавляет: – Я привыкла. Потребовалось двадцать лет, но все же привыкла.

И тут, к нашему изумлению, на лице Артура, словно про-свет в облаках, расплывается сияющая улыбка.

– Вы забавные.

– К вашим услугам. – Марина снимает воображаемую шляпу.

Я заглядываю парню прямо в глаза и, тщательно подбирая слова, спрашиваю:

– Ну, что скажешь, Малыш Арт? Хочешь быть с нами?

Он замирает, затем медленно берет со стола письмо и за-совывает в карман пиджака, обдумывая ответ. Когда он под-нимает глаза, решение уже принято.

– Я в деле.

Кивнув, протягиваю ему руку. На этот раз его ладонь не липкая, а улыбка искренняя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.